

Религиоведение. 2022. № 4. С. 111–128.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2022. No. 4. P. 111–128.

DOI: 10.22250/20728662_2022_4_111

¹ Забияко А.П., ² Ван Шуай

^{1,2} Амурский государственный университет

^{1,2} 675027 Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, стр. 7

¹ sciencia@yandex.ru; ² shuiyuzl07@163.com

Орочонская шаманка Гуань Коуни: основные этапы жизни в контексте истории шаманизма орочонов Северо-Восточного Китая

Аннотация. Основные этапы жизни орочонской шаманки Гуань Коуни (1935–2019) отражают историю тунгусского шаманизма после образования КНР. Молодая орочонка в соответствии с традицией стала шаманкой и начала свой путь «избранницы» и «хозяйки» духов. Политика вытеснения шаманизма в 1952 г. наложила запрет на шаманское призвание и отправление шаманских ритуалов. До начала 1960-х гг. в отдельных случаях шаманские обряды совершались, но негласно. «Культурная революция» ставила цель удалить из сознания и жизни все «пережитки прошлого». Однако шаманизму и шаманам удалось пройти через этот сложный период и сохраниться в этнических культурах Северо-Восточного Китая. В конце 80-х гг. XX в. в русле политических реформ начинается возрождение шаманизма. Гуань Коуни, как и другие дожившие до этого времени шаманы, возвращается к традиционным шаманским практикам. С конца 90-х и особенно с начала 2000-х гг. на шаманизм и шаманов оказывает влияние государственная политика перепрофилирования шаманизма из религии в объект нематериального культурного наследия. Судьба и деятельность шаманки Гуань Коуни – яркий пример эволюции орочонского шаманизма после 1949 г. Особенности шаманизма заставляют с осторожностью подходить к любым суждениям о сущности, прошлом, настоящем и будущем шаманизма. Это утверждение относится и к шаманизму орочонов Северо-Восточного Китая. Очевидно, что традиционный шаманизм здесь ушёл в прошлое. Преждевременно, однако, делать вывод о его исчезновении вообще. Вполне вероятно ревитализация шаманизма в новых формах и сущностных характеристиках.

А.П. Забияко

Ван Шуай

Ключевые слова: шаманизм, тунгусы, орочоны, Северо-Восточный Китай, генезис религии, эволюция религии

¹ Andrey P. Zabyako, ² Wang Shuai

^{1,2} Amur State University

^{1,2} build. 7, 21 Ignatievskoe Shosse, Blagoveshensk, 675027, Russia

¹ sciencia@yandex.ru; ² shuiyuzl07@163.com

Orochon Shamaness Guan Kouni: The Main Stages of Life in the Context of the history of Orochon Shamanism in Northeast China

Abstract. The main stages of the life of the Orochon shaman Guan Kouni (1935–2019) reflect the history of Tungus shamanism after the formation of the PRC. The young Oroch woman, in accordance with tradition, became a shaman. The shamanism suppression policy in 1952 banned shamanism and the practice of shamanistic rituals. Until the early 1960s, in some cases, shamanic rites were performed, but unofficially. The “Cultural Revolution” aimed to remove all “remnants of the past” from consciousness and life. However, shamanism and shamans managed to get through this difficult period and would continue in the ethnic cultures of Northeast China. At the end of the 80s of the 20th century, as a result of political reforms, a revival of shamanism began. Guan Kouni, like other shamans who survived to this time, returns to traditional shamanic practices. Since the late 1990s and especially since the early 2000s, shamanism has been influenced by the state policy of repurposing shamanism from a religion into an object of intangible cultural heritage. The fate and work of the shaman Guan Kouni is a vivid example of the evolution of Orochon shamanism after 1949. The peculiarities of shamanism make us cautious about any judgments about the essence, past, present and future of shamanism. This statement also applies to the shamanism of the Orochons of Northeast China. Obviously, traditional shamanism is a thing of the past here. It is premature, however, to conclude that it has disappeared altogether. The revitalization of shamanism in new forms and essential characteristics is quite probable.

Key words: shamanism, Tungus, Orochons, Northeast China, genesis of religion, evolution of religion

Введение. Реквием по ороchonскому шаманизму

Шаманизм – одна из наиболее устойчивых и широко распространённых форм религии. Его генезис уходит в глубины истории, возможно, в эпоху верхнего палеолита. Его эволюция происходила на протяжении тысячелетий, растянувшись до нашего времени и породив разнообразие религиозных и этнокультурных модификаций. Многократно он подвергался церковным гонениям и политическим запретам, его объявляли отжившим срок рудиментом первобытности, и он, казалось, отмирал. Но именно – казалось, поскольку шаманизм по-прежнему существовал в крипторелигиозных формах, а затем возрождался. Как феникс из пепла [Харитонов, 2006].

В 2004 г. была опубликована статья американских антропологов Ричарда Нолла и Кунь Ши с характерным названием «Чуоньнасуань (Мэн Цзинь Фу). Последний шаман ороchonов Северо-Восточного Китая». В 2009 г. появились её переиздание в журнале «Шаман» и переводной вариант с авторскими уточнениями для журнала «Религиоведение» [Noll, Kun Shi, 2009; Нолл, Ши Кунь, 2009]. Статья была основана на полевых исследованиях авторов в 1994 г. в районе компактного проживания ороchonов – деревне Шибачжань, а также на опубликованных полевых результатах китайских этнографов Гуань Сяоюня и Ван Хунгана. Главным героем публикации был действовавший ороchonский шаман Чуоньнасуань (Chuonnasuan), китайское имя которого Мэн Цзиньфу. В статье представлен богатый материал о личности и практиках шамана, его окружении. Главный лейтмотив статьи обозначен в названии, рефреном проходит через всё содержание и чётким аккордом звучит в конце: после ухода из жизни 9 октября 2000 г. Чуоньнасуаня «среди ороchonов больше нет шаманов» [Нолл, Ши Кунь, 2009, 33].

Научным редактором перевода публикации о «последнем ороchonском шамане» был один из соавторов настоящей статьи. Вывод Р. Нолла и Кунь Ши казался слишком пессимистичным. Численность ороchonов в Северо-Восточном Китае достаточно велика – в настоящее время 9168 человек [Управление национальной статистики, 2021, 588]. Они проживают на огромной территории, которая охватывает регионы пров. Хэйлунцзян и Автономного округа Внутренняя Монголия. Несмотря на существенные изменения в образе жизни, хозяйственно-культурном типе ороchonы в явной или неявной форме сохраняют многие традиционные стороны этнокультурной самобытности – вплоть до охоты. Власти Китая с конца 80-х гг. XX в. проводят либеральную политику в отношении «малых народов» Дунбэя, их культуры и религии. В таких социально-политических условиях религиозные верования и практики тунгусских этнических меньшинств не лишены перспективы сохранения.

Не менее важны особенности шаманизма, отличающие его от других верований, практик и социальных институтов, к которым прилагается понятие религия. Составные элементы шаманизма изоморфны составляющим фольклора, танца, музыки, знахарства. В народной культуре они взаимопроникают и поддерживают существование друг друга. Пока жива одна из этих форм народной культуры, у других есть надежда не исчезнуть. Статус шамана подвижен в своих внешних признаках, в личных суждениях самого шамана, его окружении и в общественном мнении. Особенности шаманизма заставляют с осторожностью подходить к любым суждениям о сущности, прошлом, настоящем и будущем шаманизма.

В ходе полевых исследований 2013–2014 гг. в близлежащих от Хума районах с ороchonским населением нам удалось получить сведения о присутствии там шаманов. Так, в городе Алихэ (阿里河) Автономного ороchonского округа (Хулунбуир, Внутренняя Монголия) в то время ещё была жива старая шаманка. Более того, в Хума, где жил Чуоньнасуань, после его смерти традиция шаманства не прервалась. До 2019 г. здесь шаманила Гуань Коуни. Очевидно, её имеет в виду, не называя имени, Д. Кистер, характеризую некую ороchonскую женщину из Шибачжань как не очень успешную шаманку, которую тем не менее изредка приглашают для проведения шаманского обряда; Д. Кистер побывал в Шибачжане в 1997 г. [Kister, 1999, 87–93].

Утверждение Р. Нолла и Кунь Ши оказалось справедливым лишь в части мужского шаманизма, но в целом поспешным.

Реквием по ороchonскому шаманизму в 2009 г. был исполнен преждевременно.

Полевое исследование шаманизма в 2022 г.

В рамках дальнейшего изучения шаманизма ороочонов и других народов Северо-Восточного Китая в январе 2022 г. была организована экспедиция в один из районов Большого Хингана – уезды Тахэ (塔河) и Хума (呼玛), расположенные в провинции Хэйлунцзян. Важными пунктами маршрута были поселок Шибачжань (十八站, Национальная ороочонская волость) уезда Тахэ и поселок Байинна (白银纳, Национальная ороочонская волость) уезда Хума. Основная часть экспедиции осуществлена 10 – 20 января. Цели полевого исследования включали: 1) сбор сведений о биографиях и религиозной деятельности шаманов региона, 2) изучение социальной среды, этнических культур и религиозных контекстов, в которых шаманизм существовал и существует в настоящее время. Главная задача заключалась в сборе материалов о судьбе и религиозных практиках ороочонской шаманки Гуань Коуни (关扣妮). Часть этих полевых данных положена в основу статьи. Методы полевого исследования – полустандартизированное ретроспективное интервью, сбор и интерпретация устных меморатов (прежде всего – семейных), включенное наблюдение, изучение документов и другие (Илл. 1).

Илл. 1. Карта пров. Хэйлунцзян. Пункты проведения полевого исследования, январь 2022 г.

Основные информанты почти в полном составе – родственники Гуань Коуни.

1. Гуань Цзиньфан (关金芳), ороочонское имя Гухайда, род Гулаир (кит. 古拉依尔), 1956 г.р., родилась в деревне Байинна, племянница Гуань Коуни; до выхода на пенсию – заместитель начальника уезда.

2. Мэн Шудин (孟淑卿), ороочонское имя Ихаянь, род Манягир (кит. 玛拉依尔), 1943 г.р., родилась на стойбище близ реки Волэ, помощница (二神, второй дух) в ритуалах шаманки Гуань Коуни; до выхода на пенсию – заместитель главы национального Ороочонского поселка Байинна

3. Го Баолин (郭宝林), ороочонское имя Тумуха, род Гобэйр (кит. 郭贝尔), название рода даурское, его дедушка даур, а бабушка, мать и отец ороочоны, 1945 г.р., родился в селе Таэргэне, родственник и сосед Гуань Коуни; до выхода на пенсию – штатный охотник.

4. Гэ Сяохуа (戈晓华), жена Го Баолина, ороочонское имя Китиха, род Говаир (кит. 葛瓦依尔), 1953 г.р., родилась в посёлке Шибачжань. Гэ Сяохуа из семьи шаманов. Её дядя Гэ Цигу был известным шаманом; до выхода на пенсию – сотрудница администрации деревни.

5. Гуань Сяюнь (关小云), ороchonское имя Улалихан, род Гулаир (кит. 古拉依尔), 1958 г.р., родилась в пос. Шибачжань, родственница Гуань Коуни; до выхода на пенсию – заместитель начальника уездного управления по делам религий.

6. Гэ Цайюнь (葛彩云), ороchonское имя Набута, род Гулаир (кит. 古拉依尔), 1958 г.р., родилась пос. Шибачжань. Её дядя – бывший муж Гуань Коуни; домохозяйка.

7. Дин Сюцинь (丁秀琴), ороchonское имя Лутошань, 1944 г.р., родилась на стойбище реки Хума, отец маньчжур, мама ороchonка; жена шамана Мэн Цзиньфу; до выхода на пенсию – домохозяйка.

8. Мэн Цзюйжун (孟举荣), ороchonского имени нет, род Манягир (кит. 玛拉依尔), 1965 г.р., родился в посёлке Шибачжань, сын Гунь Коуни. До выхода на пенсию – кадровый работник администрации деревни Шибачжань (Илл. 2–8).

Илл. 2. Гуань Цзиньфан.
Фотография Ван Шуай.

Илл. 3. Мэн Шуцин.
Фотография Ван Шуай.

Илл. 4. Гэ Цайюнь.
Фотография Ван Шуай.

Илл. 5. Гуань Сяюй.
Фотография Ван Шуай.

Илл. 6. Дин Сюцинь.
Фотография Ван Шуай.

Илл. 7. Мэй Цзюйжун.
Фотография Ван Шуай.

Орочоны района исследования в своём происхождении относятся к группам, которые С.М. Широкогоров определял как «тунгусы-оленоводы Маньчжурии» и кумарчены (*живущие по берегам реки Кумара*). Основное отличие этих групп заключалось в том, что кумарчены в начале XX в. перешли к использованию в хозяйстве по большей части лошадей вместо оленей. К обеим группам в разных ситуациях прикладывалось и название *эвенки*, и название *орочоны* (или их фонетически близкие варианты – *эвэшки*, *орочены*, т.д.). Современные границы их расселения отчасти совпадают с границами, указанными русским антропологам на начало XX в. В то время численность «тунгусов-оленоводов» составляла около ста семей, а кумарчены были «наиболее многочисленной группой из всех северных тунгусов Маньчжурии» [Широкогоров, 2017, 121–130]. На территории хинганских гор они оказались в результате продолжавшихся со середины XVII в. миграций через Амур из более северных районов. Сохранив до середины XX в. кочевой и охотничий уклад жизни, часть из них не утрачивала связи с районами прежних кочевий и родственными группами, стойбища которых после Айгунского договора (1858 г.) относились к владениям России.

С начала 1950-х гг. власти КНР начали проводить политику седентеризации хинганских тунгусов и изменения их хозяйственно-культурного типа таёжных кочевых охотников, поощряя переход к оседлому образу жизни. Были выделены средства на строительство новых деревень, где тунгусы получали жильё, введены бесплатное здравоохранение и образование. У орочонов появились или существенно расширились места их компактного проживания – деревни Байинна, Сяюйлянцзы и Синьлитуне. В 1957 г. в посёлке Шибачжань домами для орочонов застроен довольно большой участок. История Шибачжань уходит в XVII в. В начале династии Цин, в 1685 г. (двадцать четвёртый год правления императора Канси династии Цин), начал действовать тракт из Мэргэня в Яксу. На нём в юго-восточной части нынешнего городка была устроена дорожная станция. В честь этой станции и был назван посёлок Шибачжань (*Восемнадцатая станция*). Ныне Шибачжань является одним из центров компактного проживания орочонов Хингана, Национальной волюстью, включающей, кроме собственно посёлка, 6 деревень.

Согласно переписи 1953 г., общая численность орочонов в стране составляла 2256 человек, из которых большую часть составляли орочоны уезда Хума пров. Хэйлунцзян – около 631 человек [Ревизионно-редакционный комитет, 2009, 185]. В 2022 г., согласно полученным нами в администрациях данным, зарегистрировано в Шибачжане 498 орочонов, в Байинна 289 орочонов.

К концу 40-х годов прошлого века в среде тунгусов уездов Хума и Тахэ шаманизм сохранялся в традиционных формах, воспроизводство которых обеспечивало около десяти «больших», или «сильных», шаманов, а также других приближенных к ним лиц. Шаманизм обычно передавался от поколения к поколению по линии семейного наследования, но это правило не было обязательным. Тунгусский шаманизм, одним из этнолокальных вариантов которого является шаманизм хинганских орочонов, был мужским и женским; нередко женщины-шаманки занимали в своих родовых группах положение «сильных» шаманок. [Широкогоров, 2001, 155–168; Лю Сяочунь, 2015, 139; Сун Лили, 2019, 13–17].

В шаманизме орочонов Хингана вплоть до последнего времени важное место занимала Гуань Коуни. Целью данной статьи является описание основных этапов её биографии.

Илл. 8. Го Баолин и Гэ Сяохуа.
Фотография Ван Шуай.

Первый этап. Обретение духов и шаманского статуса

Гуань Коуни родилась в 1935 г. на стойбище в бассейне рек Сизэр и Тахэ. Её семья принадлежала к родовой группе Гураир (*gugair*) кумарченских тунгусов. Название кумарчены (*kumarčen*) производно от наименования реки Кумара, бассейн которой они занимают; кумарчены в переводе с ороchonского – *жители Кумары*. Территория кочевания кумарченых выходила за пределы берегов Кумары, охватывая прилегающие районы хинганских гор, горный массив Ильхури-Алинь, а также левобережья Амура в бассейнах рек Тыгды, Арби и Уркана. Согласно С.М. Широкоговору, «кумарченские тунгусы имеют три старых рода (а именно *man'agir* (ман'агир), *uilagir* (уилагир) и гагдагир) и три новых (а именно *uŋatkan* (учаткан), *govair* (говаир) и *gurair* (гураир))». Эти роды неравномерно разбросаны по территории, занятой этими тунгусами, но верхнее течение реки Кумары занято родом ман'агир. Роды гагдагир и гураир живут исключительно на китайской территории. Род ман'агир произвёл род учаткан, род уилагир – говаир, а из рода гагдагир произошёл род гураир» [Широкогорова, 2017, 127–128, 221].

Гуань Коуни – младший ребёнок в семье. Её отца звали Монк, он был охотником. Её мать звали Мэн Гужэньбо, она вела обычный для ороchonки образ жизни. Фамилия Гуань – китайский вариант названия родовой группы Гураир, который появился в процессе государственной регистрации представителей тунгусских родов (род Гураир – Гуань, род Манягир – Мэн, т.д.) [Ду Жофу, 2010, 16–43]. По словам Гуань Сяюня, имя Гуань Коуни на ороchonском языке – *Коунисянь*. Гуань Сяюнь, Мэн Шудин (*второй дух* Гуань Коуни) и другие информанты не знают, что означает имя. Коуни – китаизированный вариант ороchonского имени. Мэн Шудин помнит, что у Гуань Коуни есть второе имя на ороchonском языке – *Гаруле*, которое означает *новорождённый цыплёнок*.

У Гуань Коуни было три старших брата и две старшие сестры. Когда Гуань Коуни было меньше года, мать умерла от болезни. О девочке заботилась её бабушка, но через год бабушка тоже ушла из жизни. Отцу Гуань Коуни пришлось жениться на овдовевшей женщине по имени Агу, чтобы заботиться о детях. Мачеха приложила много усилий для воспитания Гуань Коуни и её старшей сестры Гуань Коджи. Агу хорошо владела многими ороchonскими рукодельями – вышивала и вырезала орнаменты, шила изделия из меха, мастерила берестяную посуду и т.д. Этому она научила и своих детей. Навыки женского ороchonского рукоделия Гуань Коуни пронесла через всю свою жизнь.

По свидетельству Гуань Цзинфан, в семье Гуань Коуни в трёх поколениях было шесть шаманов – У Илуо, У Пинчжо, Гуань Коуцзе, Гуань Коуни, её двоюродный брат Гуань Бобао и Мэн Юйлань, его жена. Т.о., бабушка, тётя, сестра, двоюродный брат, двоюродная невестка Гуань Коуни шаманили. Мать Мэн Юйлань Гуань Улиянь была известной шаманкой. Согласно меморатам, семьи Гуань когда-то кочевали в бассейне реки Зея на русской территории, затем ушли на Большой Хинган.

В тунгусском шаманизме, включая ороchonский, существует два способа приобретения шаманского статуса.

Первый – семейная преемственность. Семейная преемственность варьируется в разных тунгусских группах: по мужской или женской линии через поколение – от деда к внуку, от бабушки к внучке, либо в межпоколенной передаче от отца к сыну, от матери к дочери. Не обязательно эта преемственность задана гендерно – шаманский статус может унаследовать от отца дочь или сын от матери. «Сознание принципа наследования влияет только до некоторой степени, так как, помимо всего, у кандидата должны быть специальные данные для того, чтобы сделаться шаманом». Второй способ – «создание шамана», т.е. определение родом с участием опытных шаманов из одного или нескольких претендентов того, кому суждено по воле духов стать шаманом [Широкогорова, 2001, 165]. И в первом, и втором случаях основная идея заключается в том, что сам кандидат в шаманы не властен над исходом дела, поскольку в конечном счёте именно духи решают, кому они расположены помогать.

Важным, почти обязательным признаком предопределённости к статусу шамана является «шаманская болезнь». Наши данные и материалы китайских этнографов свидетельствуют, что Гуань Коуни прошла через это трудное испытание [Ван Хунган, 1998, 213].

По свидетельству Гуань Цзиньфан, племянницы Гуань Коуни, и Гуань Сяоюнь, другой её родственницы, ничего не предвещало того, что Гуань Коуни станет шаманкой, она была обычным ребёнком. Одним весенним утром 1950 г. пятнадцатилетняя девушка пошла посмотреть, как рождает лошадь. Не дойдя до места, куда она направлялась, Гуань Коуни резко почувствовала себя очень плохо. Боль в груди была настолько невыносимой, что она не могла сдвинуться с места несколько часов. Придя в себя, девушка с трудом вернулась домой. Сначала мачеха Гуань Коуни рассердилась на неё из-за того, что она ушла без предупреждения и долго не возвращалась, но потом увидела, как сильна боль дочери, и перестала укорять её. Боль не утихала полгода. Зачастую Гуань Коуни из-за сильной боли не могла ни лежать, ни стоять, ни есть. Она похудела до такой степени, что её фигура напоминала обтянутые кожей кости. Решили, что нужно скорее идти за шаманом. Сначала обратились к Гуань Байбао (двоюродный брат Гуань Коуни), но он сказал, что не может ей помочь, потому что они из одной семьи и надо срочно найти кого-то чужого. Поэтому они обратились к свекрови Гуань Бобао Гуань Улиянь, чтобы та помогла Гуань Коуни вылечить её болезнь. Гуань Улиянь была известной местной шаманкой. Но её шаманских сил оказалось недостаточно, чтобы исцелить Гуань Коуни. Через год с лишним семья Гуань Коуни переехала из деревни Байинна, расположенной на южном берегу реки Хума, в деревню Булагахан (орочонское название, ныне деревня Синцзянь, посёлок Шибачжань). У орочонов есть поверье, что когда человек болен, ему не стоит пересекать реку, ибо, если он перейдёт реку, его болезнь не излечится никогда. По мнению семьи Гуань Коуни, именно из-за переезда болезнь девушки снова обострилась. Гуань Улиянь порекомендовала им «сильного» шамана Чжао Либэня. Семья обратилась к нему. Чжао Либэнь, взглянув на девушку, решил, что она обязательно должна стать шаманкой, а если не станет, то болезнь только усугубится и Гуань Коуни может умереть. Он уточнил, что она родилась сразу с божественным духом в душе, но так как до сих пор его не приняла, началась болезнь. Чжао Либэнь исполнил ритуальный танец духов и Гуань Коуни через некоторое время поправилась. После этого события она решила попробовать стать шаманкой [Полевые материалы авторов, 2022].

16-летняя Гуань Коуни уже была помолвлена, поэтому её дедушка был не согласен с тем, чтобы она стала шаманкой, поскольку, по обычаям орочонов, духов рода матери нельзя приносить в дом мужа. Родственники, бывшие свидетелями тяжёлой болезни Гуань Коуни, долго уговаривали дедушку, и, наконец, тот согласился, чтобы внучка стала шаманкой. В изложении Гуань Цзиньфан, после полученного согласия, её мама Мэн Юйлань, сестра Гуань Коуни, другие родственники – всего 11 человек, 9 женщин и 2 мужчин – сшили для Гуань Коуни её первый шаманский костюм. Костюм был сшит из синей ткани без узоров, медных зеркал и других ритуальных украшений. Мужчины сделали ей бубен, колотушку и шапку. Эти сведения подтвердила Гэ Сяохуа. Она помнит рассказы, что в 1953 г., когда шаманы проводили церемонию прощания с духами, Гуань Коуни была одета в синий костюм без узоров. Согласно Мэн Шутин, которая была «вторым духом», помощницей Гуань Коуни, та вначале носила шаманский тканевый халат, который, согласно обычаю, только через три года могла поменять на костюм из шкуры [Полевые материалы авторов, 2022].

После изготовления костюма и шаманских атрибутов, Гуань Коуни прошла обряд посвящения в присутствии нескольких шаманов.

Обряд посвящения, согласно Гуань Цзиньфан, занял три вечера, поскольку вначале призываемый дух не спускался. Днём проводить ритуал было нельзя, поэтому танцевали вечером, зажигали огонь, но не слишком яркий. Инициацию сопровождали дары духам – мясо косули, гуся, утки, а также ягоды, фрукты. Из опилок была сделана ритуальная дорожка, посыпанная травами. Перед началом ритуального танца возжигали благовония из трав и окуривали дымом одежду и тело; возкурения сопровождали и другие этапы церемонии [Полевые материалы авторов, 2022].

Это описание отличается от того, что было зафиксировано в книге У Ячжи. У Ячжи отмечал, что новые шаманы учатся ритуалу танцев духов у старых шаманов

обычно в течение трёх суток подряд. Первые и вторые сутки ритуал исполняется ночью, на третьи сутки отправляется днём, в конце церемонии звучит священная песня [У Ячжи, 2006, 249].

Церемонии посвящения Гуань Коуни проводил шаман Чжао Либэнь (около 1926 г.р.), получивший в 1946 г. посвящение от Мэн Цзиньфу (Чуоньнасуаня). К тому времени Чжао Либэнь уже снискал славу «сильного» шамана, особенно после исцеления в 1947 г. своего наставника Мэн Цзиньфу от рецидива «шаманской болезни». В ходе ритуала Чжао Либэнь исполнял ритуальные танцы, бил в бубен, ему ассистировал «второй дух», вместе они пели ритуальную песню и просили у духов помощи. Гуань Коуни участвовала в камлании, «встречала» духов, перенимая опыт «сильного» шамана и его помощника, «второго духа».

Согласно представлениям орочонов, главную роль в обучении начинающего шамана играют приглашённые духи, именно они учат шамана петь нужные песни и танцевать. Обычно орошонские шаманы не очень охотно рассказывают о своих духах-помощниках. Известно, однако, что главным духом Гуань Коуни стала Богиня-мать (*Эннинь чжэжи лэйгэ*), а её наставником – лиса-оборотень, дух по имени *Аолай-хэчжэ* [Полевые материалы авторов, 2022].

В семейных меморатах и других источниках сохранилось мало сведений о шаманских практиках Гуань Коуни начала 50-х гг. Нам удалось установить, что она однажды провела ритуал возвращения души для шестилетней девочки, а также несколько раз приносила жертвы духам гор – духам-хозяевам охотничьей добычи для обретения их благосклонности к орочоном-охотникам. Гуань Цзиньфан помнит рассказы о том, что Гуань Коуни в 1951 г. лечила несколько человек от эпилепсии. Есть сведения, что в те годы она практиковала предсказания. Нередко к ней обращались с вопросами об исходе задуманного дела: например, когда кто-то шёл в горы охотиться на косулю, мог спросить Гуань Коуни, сколько он добудет животных. Та отвечала, к примеру: «Ты подстрелишь три косули». Охотник возвращался с тремя добытыми косулями. По словам Гуань Коуни, как их воспроизводят мемораты наших респондентов, для предсказания не нужно проводить специальных обрядов – это дар духов, с которыми шаман всегда крепко связан [Полевые материалы авторов, 2022].

В 1952 г. Гуань Коуни вышла замуж за Мэн Таоду. Это событие в жизни молодой женщины было омрачено начавшейся политической кампанией, положившей конец первому этапу её шаманской судьбы.

Второй этап. Утрата духов и отход от шаманской деятельности

После основания КНР начались реформы, направленные на строительство социализма и коммунизма. В районах традиционного расселения тунгусских групп власти ставили цель модернизировать «отсталый» уклад жизни таёжных охотников, перевести их на оседлый образ жизни в посёлках, поднять уровень образования и здравоохранения. Одной из идеологических задач, сопровождавших достижение этой цели, была задача устранения шаманизма как пережитка первобытности и шаманов как носителей верований и практик, противоречащих коммунистическому учению, научным знаниям и современной медицине.

Начиная с 1952 г. шаманы разных родовых групп под давлением идеологии и политики начинают постепенно сокращать публичную шаманскую деятельность.

Переломными для кумарчендов стали события «проводов духов», состоявшиеся летом 1952 г. в наиболее крупных деревнях и административных центрах расселения кумарченских тунгусов – в Шибачжань и Байинна. К этому времени один из наиболее авторитетных шаманов Чжао Либэнь идеологически «перековался» и публично поддержал антирелигиозную политику властей, направленную на вытеснение шаманских верований и практик. По инициативе Чжао Либэня шаманы разных родовых групп, кочевавших по речной сети северно-восточной части Хингана, собрались в Шибачжане и Байинна. Здесь также собралось несколько сот орочонов из местных жителей и стойбищ. Шаманы в течение трёх дней и ночей отправляли ритуал «проводов духов» (送神仪式) – они камлали в посёлках, пели и танцевали, обращаясь к духам с просьбой уйти и более не возвращаться. Согласно шаманским представлениям, проводив духов и отказываясь приглашать их вновь,

шаман теряет своих главных помощников, а вместе с этим и свои необыкновенные возможности, даруемые духами.

После церемонии дед шаманки Гуань Коуни отправился в тайгу, где после долгих поисков нашёл уединённое место на склоне сопки. Здесь он вместе с другими представителями рода построил *уленг* – своего рода лабаз. Гуань Улиянь, двоюродный брат Гуань Коуни, Гуань Бобао, дядя Гуань Цзиньфэнь сложили шаманский костюм и шаманские атрибуты молодой шаманки в *уленг* и заперли его, как они считали, навсегда. С этого времени публичная шаманская деятельность Гуань Коуни прекратилась, по крайней мере, она уже не могла осуществлять её полноценно [Полевые материалы авторов, 2022].

В 1956 г. Гуань Коуни вступила в Коммунистический союз молодёжи; началась её трудовая биография: она работала в поселковой администрации, в лесоохранные, помогала доставлять грузы по хинганской тайге и т.д. Она и её муж Мэн Таоду несколько раз были признаны образцовыми работниками. При этом, однако, Гуань Коуни тяжело переживала расставание с шаманским призванием (Илл. 9).

Илл. 9. Гуань Коуни (первая слева в первом ряду) – Комсомольская ячейка пос. Шибачжань. Фотография из архива Гуань Сяюнь.

В собранных нами семейных воспоминаниях есть сведения о том, что с 1953 по 1960 г. Гуань Коуни и некоторые другие шаманы в негласной форме отправляли шаманские практика шамана). По просьбе сородичей они проводили обряды избавления от болезней и совершали по разным поводам жертвоприношения духам. По словам Мэн Шуцина и Гэ Сяохуа, ритуал «проводов духов» в последний раз был проведён в 1960 г.

Во время «культурной революции» у Гуань Коуни и её мужа появились большие разногласия из-за политических взглядов, что в конечном итоге привело к разводу в 1966 г. Рождённых в браке четверых детей они поделили поровну: двух сыновей забрал муж, а дочь и ещё одного сына – Гуань Коуни. После развода она переехала из Шибачжаня в дом своей сестры в деревне Байинна. В 1974 г. её посватали замуж за Мэн Юлиня – человека, близкого шаманской культуре. Позднее Мэн Юлинь неоднократно выступал в роли *эр шэнь* (второго духа – главного человека-помощника шамана). Но, прожив вместе много лет, Гуань Коуни и Мэн Юлинь развелись. В 80-е гг. Гуань Коуни пришлось пережить тяжёлые утраты: зимой 1982 г. старший сын Мэн Цзюйчэн ехал на повозке, упал с неё в реку и утонул, спустя два года младший сын Мэн Цзюйдун умер от менингита.

С другой стороны, в 80-е гг. в жизни Гуань Коуни происходят положительные перемены в её общественном и религиозном положении.

В конце 1980 гг. в Китае начались масштабные реформы, которые коснулись положения, культуры и религии малых народов Северо-Восточного Китая, в том числе, и орочонов. Гуань Коуни и другие шаманы получили возможность вернуться к своему шаманскому призванию.

В начале 1990 г. культура хинганских тунгусов стала предметом профессиональных исследований китайских этнографов Ван Хунгана и Фу Юйгуана, деятельности которых активно способствовала местная администрация. Полевые исследования охватывали Шибачжань, Байинна и прилегающие районы расселения орочонов. В конце февраля – начале марта с целью подробной этнографической фиксации орочонского культурного наследия были начаты приготовления к проведению с соблюдением традиционных обычаев праздника встречи весны и ритуала почитания духа горы. 19 марта начались ритуальные действия [Забияко, Ван Шуай, 2022, 163–164].

Духи вернулись к Гуань Коуни, она снова обрела свой шаманский дар и статус.

В 1992 г. Центральным университетом национальностей был снят документальный фильм «Хинганский дух охоты», в 1993 г. зарубежный центр CCTV создал документальные фильмы «Последний дух горы» и «Летняя охота в горном лесу», в которых активно участвовала Гуань Коуни. В дальнейшем она неоднократно была одной из главных действующих лиц документальных и научно-популярных фильмов, посвящённых культуре ороочонов. С одним из них связана трагическая ситуация, тяжело отразившаяся в личной жизни и шаманском опыте Гуань Коуни.

120

наследования» (传承仪式) была организована по инициативе и при настойчивом участии местных партийных и административных органов. Главное событие «церемонии» – шаманское камлание с призывами к духам принять новую шаманку состоялось 30 августа 2008 г. Всё действо заняло всего сутки, хотя, согласно традиции, должно было занять трое суток. Оно сопровождалось сбоями в физическом и психологическом состоянии камляющей шаманки, которой мешали яркий свет осветительных приборов, камеры и досужие наблюдатели. Впоследствии Гуань Коуни призналась, что призываемый дух, очевидно, не снизошёл к людям. Прошедшая через церемонию Мэн Цзюхуа формально наследовала шаманский статус. Однако спустя год она погибла в автомобильной аварии. Одним из результатов этой трагедии стало убеждение Гуань Коуни в том, что такой исход был предопределён волей духов, недовольных передачей ею шаманских знаний. После случившегося она утратила уверенность в том, что по-прежнему причастна миру духов.

Поэтому Гуань Коуни в дальнейшем не предпринимала попыток обеспечить шаманскую преемственность. Все наши информанты – родственники Гуань Коуни, считают, что шаманизм в их семье не был наследственным, потому и случилось несчастье.

Непростым в ракурсе шаманской преемственности оказалось положение сына Гуань Коуни – Мэн Цзюйжуна. Согласно суждениям родственников, он порой демонстрировал необыкновенные способности. Гэ Цайюнь рассказала историю о том, как Мэн Цзюйжун однажды зимой добрался из Шибачжана до Байинна полуголый, разутый, но не заболел. Когда у него спросили про его обувь, Мэн Цзюйжун ответил, что её будто бы украл злой дух. Некоторые из родственников допускают, что он, возможно, страдал психическим расстройством, поскольку ни он, ни другие члены семьи не могли перенять шаманское призвание; другие верят, что Мэн Цзюйжун обладал сверхъестественными способностями, но стечение обстоятельств не позволило ему их реализовать на шаманской стезе [Полевые материалы авторов, 2022].

Укоренённые в традиционной культуре знания и навыки Гуань Коуни с 90-х гг. XX в. стали широко востребованы в общественной и музейной сфере сохранения и популяризации культуры ороحوнов. Так, в 1991–1992 гг. Гуань Коуни и её сестра Гуань Коуцзе создали более десяти видов изделий из шкур и более десяти видов изделий из бересты для выставочного зала деревни Байинна. Она регулярно была участницей этнических праздников, в ходе которых совместно с другими орочонками исполняла национальные песни и танцы (Илл. 13–17).

Илл. 13. Гуань Коуни и её дочь, 2009 г.
Семейный архив Гуань Сяююнь.
Фотография У Ячжи.

Илл. 14. Гуань Коуни изготавливает
орочонский туес из бересты.
Фотография Гуань Сяююнь.

Начиная с 2005 г. власти Китая начали проводить политику сохранения нематериального культурного наследия. В 2006 г. Китайской федерацией литературных и художественных объединений и Китайской ассоциацией народной литературы

Илл. 15. Гуань Коуни – участница этнического праздника. 2005.
Фотография Гуань Сяююнь.

Илл. 16. Гуань Коуни исполняет ороchonские песни для этнографов из Гонконга, собиравших фольклор народов Большого Хингана. 2005 г. Фотограф Гуань Сяююнь.

Илл. 17. Гуань Коуни.
Фотография из семейного архива
Гуань Синя, внука Гуань Коуни.

и искусства Гуань Коуни была названа одним из самых выдающихся «наследников народной культуры» [Ван Хунган, 2010, 303]. В 2007 г. Гуань Коуни была наделена Департаментом культуры провинции Хэйлунцзян статусом «наследника ороchonского шаманского танца и ороchonского танца “Люйжи Гэжэнь”». В 2009 г. Гуань Коуни, Гуань Цзиньфан и Мэн Шутин были признаны «наследниками провинциального нематериального культурного наследия». В следующие десять лет количество сертификатов, удостоверяющих культурную ценность шаманки, год от года росло. Этнографы записывали её песнопения и обрядовые действия в качестве образцов ороchonского фольклора, журналисты брали у неё интервью о благополучной жизни ороchonов, власти приглашали в качестве почётного гостя на общественно-политические мероприятия.

В 2019 г. Гуань Коуни ушла из жизни. О её кончине сообщили многие местные и центральные китайские СМИ.

В Байинна, где она жила долгие годы, были проведены погребальные ритуалы. Гуань Цзиньфан и другие родственники, друзья переодели умершую в погребальное одеяние. Оно представляло собой сшитый саван, тонкие хлопчатобумажные штаны, верхние халаты и верхние штаны, а также ороchonский головной убор. После отправления над телом усопшей необходимых погребальных действий оно было помещено в деревянный гроб, который был установлен на кладбище на четыре столбах по обряду верхового (воздушного) захоронения (Илл. 18, 19).

Илл. 18. Погребальная церемония на кладбище. 2019.

Фотография Гуань Сяюнь.

Илл. 19. Место захоронения Гуань Коуни.

Фотография Гуань Сяюнь.

Память о Гуань Коуни хранится в среде её родственников и земляков, жителей окрестных поселений ороchонов.

Дискуссия

В посвящённых Гуань Коуни исследованиях содержится двойственная трактовка её шаманского статуса. В ряде публикаций, например, Ван Хунгана и Гуань Сяюнь, её положение в качестве шаманки не подвергается сомнению [Ван Хунган, Гуань Сяюнь, 1998]. В других, например, Р. Нолла и Кунь Ши, допускается, что в начале 1950-х гг. она была «начинающей шаманкой», но когда «летом 1952 г. новый коммунистический режим убедил ороchонов отречься от своих «суеверий», её карьера в качестве начинающего шамана подошла к концу» [Нолл, Ши Кунь, 2009, 32, 36].

Ситуация осложняется тем, что, согласно собранным нами и некоторым другим данным, Гуань Коуни нередко весьма противоречиво высказывалась о своём шаманском статусе. Так, в 1994 г. она настаивала в беседе с Р. Ноллом и Кунь Ши, что была «только *jardalanin*», помощницей шамана, «и никогда не была практикующей шаманкой» [Нолл, Ши Кунь, 2009, 36]. Между тем, как отмечено в ряде авторитетных публикаций и описано выше в нашей статье, в марте 1990 г. она фактически наравне со общепризнанным шаманом Мэн Цзиньфу провела полноценное камлание со всеми характерными признаками шаманского «дара» – призывала духов, входила в транс и состояние одержимости духами, вещала от имени духов и т.д.

Семейные мемораты поддерживают эту противоречивую ситуацию: в них устойчиво повторяется тема внутренних сомнений Гуань Коуни в своём шаманском положении, а также содержатся уклончивые суждения родственников по поводу того, была ли она «настоящей» шаманской.

Наши материалы позволяют судить о том, что, кроме противоречивых высказываний самой Гуань Коуни о своей шаманской идентичности, есть несколько причин для неоднозначных трактовок её шаманского статуса. Согласно традиционным ороchonским правилам шаманской инициации, для того чтобы полностью вступить в своё новое положение, род и молодой шаман должны совершить три больших жертвоприношения духам. Во время посвящения Гуань Коуни было совершено первое, однако после фактического запрета на шаманские практики и ритуала «проводов духов» не были проведены второе (в весенний праздник) и третье (в осенний праздник) жертвоприношения. В самооценке Гуань Коуни и в общественном сознании незавершённость инициации и недостаточный опыт семнадцатилетней девушки в шаманских практиках стали весомыми причинами для сомнений в её праве называться настоящей шаманской. В религиозном сознании ороchonов бытует убеждение в том, что опасно отказывать духам в их праве на общение с людьми. В изложении Гэ Сяохуа дело выглядит так, что если кто-то «прогнал духа», то он больше не может его призвать назад, а если будет пытаться, то дух может в отместку навредить ему. Гуань Коуни неоднократно «проводжала духов», эта непоследовательность порождает на уровне личного и коллективного религиозного сознания неопределённость в том, имела ли она шаманскую власть над духами и, следовательно, можно ли считать её шаманкой [Полевые материалы авторов, 2022].

На наш взгляд, в интерпретации данной ситуации следует исходить из следующих объективных критериев. Согласно С.М. Широкогорову, у тунгусов нужно различать два вида шаманов – «шаманов опытных» и «шаманов начинающих и редко шаманящих» [Широкогоров, 2001, 156; Shirokogoroff, 1935, 376–378]. Степень опытности важна, но оба вида по общему определению – шаманы. В рамках такого подхода Гуань Коуни может быть отнесена ко второму виду шаманов – «малоопытных» и «редко шаманящих». Её шаманский статус соответствует основным признакам, которые отличают шамана от других членов религиозной общины: она пережила стадию «шаманской болезни», прошла ритуал шаманского посвящения с участием сильного шамана, отправила обряд жертвоприношения шаманским духам, имела шаманских костюм и атрибутику, выполняла шаманские действия, имела признание со стороны родовой группы в качестве шаманки. Особенности личной судьбы и самоидентификации Гуань Коуни, наложившие отпечаток на конкретное выражение этих признаков, в целом не отменяют главного – Гуань Коуни была шаманкой, соответствовавшей шаманским традициям тунгусо-маньчжурской общности.

Следует заметить, что с 90-х гг. XX в. на шаманские традиции тунгусо-маньчжурской общности неоднозначное влияние оказывают социокультурные и идеологические факторы, обусловленные политикой властей КНР в области национальных отношений. В русле этой политики шаманизм тунгусо-маньчжурских и других малочисленных народов занял место объекта нематериального культурного наследия этнических групп, а шаманы, наряду с мастерами рукоделия, устного, песенного, танцевального и гастрономического творчества, получили официальное положение хранителей этого наследия. С одной стороны, такая политика обеспечивает сохранение и трансляцию фольклорного содержания шаманизма, а также воспроизводство специалистов, имеющих к нему отношение. С другой стороны, утрачивается подлинная религиозная сущность шаманизма и происходит его профанизация. В одних случаях формируется двойная идентичность шамана, выступающего и в качестве «хозяина духов», и в качестве фольклорного персонажа; в других остаётся только одна – аниматора на этническом празднике.

Многие традиционно настроенные ороchonы, включая шаманов, их помощников и родственников, критически относились к необходимости проводить ритуалы призвания духов в форме демонстрации этнического обычая, под фото- и видеофиксацию. Считается, что это беспокоит духов понапрасну, вызывает их недовольство и чревато отказом духов от общения с людьми [Kister, 1999, 91; Полевые материалы авторов, 2022].

Заключение

Как отмечено выше, особенности шаманизма заставляют с осторожностью подходить к любым суждениям о сущности, прошлом, настоящем и будущем шаманизма. Это утверждение относится и к шаманизму ороочонов Северо-Восточного Китая. Очевидно, что традиционный шаманизм здесь ушёл в прошлое. Преждевременно, однако, делать вывод о его исчезновении вообще. Вполне вероятно ревитализация шаманизма в новых формах и сущностных характеристиках.

Исследование А.П. Забияко поддержано грантом РФФИ, проект № 20-011-00408. Исследование Ван Шуай выполнено в рамках реализации научной темы FZMU-2022-0008, рег. номер 1022052600017-6, Программа стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

A.P. Zabiyaiko's study is supported by the RFBR grant, project No. 20-011-00408. Wang Shuai's study is carried out as part of the implementation of the scientific theme FZMU-2022-0008, reg. number 1022052600017-6, Strategic Academic Leadership Program "Priority 2030".

1. Забияко, А.П. Культ духа горы у этнических групп Большого Хингана: традиции и новации (по материалам полевых исследований) / А.П. Забияко, Ван Шуай // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 14. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2022. – С. 157–171.
2. Нолл, Р. Последний шаман орочонов Северо-Восточного Китая / Р. Нолл, Кунь Ши // Религиоведение. – 2009. – № 2. – С. 19–36.
3. Полевые материалы авторов. Экспедиция 2022, пров. Хэйлунцзян, КНР // Архив Лаборатории археологии и этнографии Амурского государственного университета, 2022.
4. Сем, Т.Ю. Шаманизм эвенков (по материалам Российского этнографического музея). 2-е изд. / Т.Ю. Сем. – СПб.: Иц Гуманитарная Академия, 2017. – 302 с.
5. Харитонов, В.И. Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий / В.И. Харитонов. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2006. – 372 с.

6. Широкогоров, С.М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов // С.М. Широкогоров // Этнографические исследования. Книга первая: Избранное / Сост. и примеч. А.М. Кузнецова, А.М. Решетова. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – С. 116–186.
7. Широкогоров, С.М. Социальная организация северных тунгусов / С.М. Широкогоров. – М.: Изд-во Наука-Восточная литература; Серия «Этнографическая библиотека», 2017. – 710 с.
8. Ван, Хунган. Изучение ороchonского шаманизма / Ван Хунган, Гуань Сяюнь. – Ляонин: Ляонинское народное издательство, 1998. – 213 с.
9. Ван, Хунган. Обзор ороchonской шаманской культуры / Ван Хунган, Гуань Сяюнь. – Пекин: Национальное издательство, 2010. – 303 с.
10. Ван, Хунган. Северная шаманская культура / Ван Хунган, Юй Сяофэй. – Чэнду: Сычуаньское издательство литературы и искусства, 2007. – 214 с.
11. Го, Шуюнь. Архаическая живая культура: шаманская перспектива / Го Шуюнь. – Шанхай: Шанхайское народное издательство, 2001. – 647 с.
12. Го, Шуюнь. Исследования феномена шаманизма в Северном Китае / Го Шуюнь. – Пекин: Национальное издательство, 2007. – 275 с.
13. Го, Шуюнь. Китайский шаманизм: живой шаман / Го Шуюнь, Ван Хунган. – Шэньян: Шанхайское народное издательство, 2001. – 184 с.
14. Ду, Жофу. Фамилии этнических меньшинств Китая / Ду Жофу. – Пекин: Национальное издательство, 2010. – 1245 с.
15. Ревизионно-редакционный комитет серии обзоров социальной истории меньшинств. Ороchonское расследование социальной истории. – Пекин: Пекинское этническое издательство, 2009. – Вып. 2. – 185 с.
16. Лю, Сяочунь. Предварительное исследование проблемы женского шаманизма ороchonов / Лю Сяочунь // Этническая серия Хэйлунцзян. – 2015. – № 3. – С. 137–140.
17. Сун, Лили. Об историческом статусе и роли ороchonских шаманок / Сун Лили // Журнал Хэйхэского университета. – 2019. – № 6. – С. 13–17.
18. Хань, Юфэн. Ороchonские обычаи / Хань Юфэн. – Пекин: Центральное этническое издательство, 1991. – 151 с.
19. Управление национальной статистики. Статистический ежегодник Китая за 2021 год. – Пекин: Китайская статистическая пресса, 2021. – 588 с.
20. У, Ячжи. Последняя легенда: исследование культуры ороchonов / У Ячжи. – Пекин: Центральное издательство национальностей, 2006. – 249 с.
21. Kister, Daniel A. Present-Day Shamanism in Northern China and the Amur Region / Daniel A. Kister // Shaman. – 1999. – Vol. 7. – № 1. – P. 77–95.
22. Noll, R. Chuonnasuan (Meng Jin Fu). The Last Shaman of the Oroqen of Northeast China / R. Noll, Shi Kun // Han'guk chunggyo yon'gam [Journal of Korean Religions]. 2004. – № 6. – С. 135–162.
23. Noll, R. The last shaman of the Oroqen people of northeast China / R. Noll, Shi Kun // Shaman. – 2009. – Vol. 17. – P. 117–140.
24. Shirokogoroff, S.M. Psychomental Complex of the Tungus / S.M. Shirokogoroff. – L.: Kegan Paul, 1935. – 469 p.

Текст поступил в редакцию 10.06.2022.

Принят к публикации 01.08.2022.

Опубликован 29.12.2022.

References

1. Du Ruofu. *Surnames of ethnic minorities of China*. Beijing: Nacional'noe izdatel'stvo, 2010, 1245 p. (in Chinese).
2. Go Shuyun, Wang Honggang. *Chinese Shamanism: The Living shaman*. Shenyang: Shanhajskoe narodnoe izdatel'stvo, 2001, 184 p. (in Chinese).
3. Go Shuyun. *Archaic Living Culture: Shamanic Perspective*. Shanghai: Shanhajskoe narodnoe izdatel'stvo, 2001, 647 p. (in Chinese).
4. Go Shuyun. *Studies of the phenomenon of shamanism in Northern China*. Beijing: Nacional'noe izdatel'stvo, 2007, 275 p. (in Chinese).
5. Han Yufeng. *Orochon customs*. Beijing: Central'noe etnicheskoe izdatel'stvo, 1991, 151 p. (in Chinese).
6. Kharitonova V.I. *Feniks iz pepla? Sibirskij shamanizm na rubezhe tysyacheletij* [Phoenix from the ashes? Siberian shamanism at the turn of the Millennium]. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, 2006, 372 p. (in Russian).
7. Kister Daniel A. Present-Day Shamanism in Northern China and the Amur Region. *Shaman*. 1999, vol. 7, no. 1, pp. 77–95.
8. Liu Xiaochun. Preliminary study of the problem of female shamanism of the Orochons. *Ethnic Series of Heilongjiang*. 2015, no. 3, pp. 137–140 (in Chinese).
9. Noll R., Shi Kun. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2009, no. 2, pp. 19–36 (in Russian).
10. *Office of National Statistics. Statistical Yearbook of China for 2021*. Beijing: Kitajskaya statisticheskaya pressa, 2021, 588 p. (in Chinese).
11. Noll R., Shi Kun. Chuonnasuan (Meng Jin Fu). The Last Shaman of the Oroqen of Northeast China. *Journal of Korean Religions*. 2004, no. 6, pp. 135–162.
12. Noll R. Shi Kun. The last shaman of the Oroqen people of northeast China. *Shaman*. 2009, vol. 17, pp. 117–140.
13. Polevye materialy avtorov. Ekspediciya 2022, prov. Heilongjiang, PRC. Arhiv Laboratorii arheologii i etnografii Amurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2022 (in Russian).
14. *Revizionno-redakcionnyj komitet serii obzorov social'noj istorii men'shinstv. Orochonskoe rassledovanie social'noj istorii* [Revision and Editorial Committee of the series of reviews of the social history of minorities. The Orochon Investigation of Social History]. – Beijing: Pekinskoe etnicheskoe izdatel'stvo, 2009, vol. 2, 185 p. (in Chinese).
15. Sem T.Yu. *Shamanizm evenkov (po materialam Rossijskogo etnograficheskogo muzeya)* [Evenki Shamanism (based on the materials of the Russian Ethnographic Museum)]. St. Petersburg: Ic Gumanitarnaya Akademiya, 2017, 302 p. (in Russian).
16. Shirokogoroff S.M. *Etnograficheskie issledovaniya. Kniga pervaya: Izbrannoe* [Ethnographic studies. The first book: Favorites]. Eds. A.M. Kuznecova, A.M. Reshetova. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2001, pp. 116–186 (in Russian).
17. Shirokogoroff S.M. *Psychomental Complex of the Tungus*. L.: Kegan Paul, 1935, 469 p.
18. Shirokogoroff S.M. *Social'naya organizaciya severnyh tungusov* [Social organization of the Northern Tungus]. Moscow: Izdatel'stvo: Nauka-Vostochnaya literatura, Seriya: Etnograficheskaya biblioteka, 2017, 710 p. (in Russian).
19. Song Lili. About the historical status and role of the Orochon shamans. *Journal of Heihe University*. 2019, no. 6, pp. 13–17 (in Chinese).
20. Wang Honggang, Guan Xiaoyun. *Overview of the Orochon shamanic culture*. Beijing: Nacional'noe izdatel'stvo, 2010, 303 p. (in Chinese).
21. Wang Honggang, Guan Xiaoyun. *The study of Orochon shamanism*. Liaoning: Lyaoninskoe narodnoe izdatel'stvo, 1998, 213 p. (in Chinese).
22. Wang Honggang, Yu Xiaofei. *Northern Shamanic culture*. Chengdu: Sychuan'skoe izdatel'stvo literatury i iskusstva, 2007, 214 p. (in Chinese).
23. Wu Yazhi. *The Last Legend: A study of the Orochon culture*. Beijing: Central'noe izdatel'stvo nacional'nostej, 2006, 249 p. (in Chinese).
24. Zabiako A.P., Wang Shuai. *Rossiya i Kitaj na dal'nevostochnyh rubezhah* [Russia and China on the Far-Eastern Borders]. Vol. 14. Blagoveshchensk: Amurskij gos. un-t, 2022, pp. 157–171 (in Russian).

Submitted for publication: June 10, 2022.

Accepted for publication: August 1, 2022.

Published: December 29, 2022.